

Д.Е. Кознаньчиков

**Повесть о новгородском
белом клобуке и сказание о
хранительном былии,
мерзком зелии, еже есть
табаце**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Е. Кознаньчиков**
Повесть о новгородском белом клобуке и сказание о хранительном былии,
мерзком зелии, еже есть табаце / Д.Е. Кознаньчиков – М.: Книга по Требованию,
2016. – 89 с.

ISBN 978-5-518-07607-5

Два старинных произведения раскольничий литературы.

ISBN 978-5-518-07607-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

силою дѣйствовали на души простолюдиновъ, усыпляя мысль и внушая благоговѣйное, непоколебленное сомнѣніемъ чувство вѣры въ ихъ непреложную истину. Раскольникъ — не думалъ надъ ними, не стремился объяснить ихъ — онъ читалъ ихъ тѣмъ съ бѣльшею теплотою и довѣріемъ, чѣмъ сильнѣе были внѣшнія гоненія судьбы. Этимъ наивнымъ отношеніемъ, этимъ незаслуженнымъ почетомъ — онъ какъ-бы стремился вознаградить столь же незаслуженное презрѣніе къ нимъ. Оттого съ такимъ подозрительнымъ упорствомъ онъ отстаивалъ ихъ, недовѣряя голосу науки стремившейся дать имъ надлежащую цѣну и смысла и едва-ли раскольникъ не былъ правъ въ этомъ случаѣ: видя враждебное отношеніе къ предмету, съ которымъ связывалось много его дорогихъ воспоминаній — онъ, само собою разумѣется, долженъ былъ бросить тѣнь на чистоту побужденій, руководившихъ людьми, рѣшавшимися объяснить ему смыслъ его писаній; а вмѣстѣ съ этимъ — онъ подозрительно взглянулъ и на самыя объясненія и остался при своемъ наивномъ, вѣрующемъ

отношеніи къ нимъ, снова читалъ ихъ — «ничто-же сумвяся»; противъ такого печальнаго общественнаго антагонисма, есть одно средство — это приведеніе въ извѣстность самихъ памятниковъ его умственной жизни, ихъ объясненіе не въ духъ угожденія исключительной партіи, а исполнѣ историческое, руководимое спокойною любовью, какую долженъ имѣть изслѣдователь къ предмету своего изысканія. День обнаруженія произведеній раскольничьей литературы и объясненія ихъ — будетъ днемъ побѣды разума и науки надъ темнымъ суевѣріемъ: дѣлаясь достояніемъ всѣхъ и каждаго, они потеряютъ тотъ обаятельный фантастическій свѣтъ, въ какой одѣвало ихъ смутное сознаніе раскольника; они станутъ вещью — обыкновенною, простою, которая не запугиваетъ сознанія сумрачными страшилами, а укрѣпляетъ и просвѣщаетъ его. Однимъ словомъ, изъ предметовъ суевѣрія — они сдѣлаются предметами науки, доступной каждому...

Чтобы положить скорѣйшее начало дѣлу, мы выбрали памятники, уже однажды напечатан-

ные. Быть может — иной перекрестъ ихъ отсутствіемъ серьёзнаго содержанія и скажетъ, что не стоило издавать ихъ; но кто знаетъ, какое значеніе имѣютъ эти, и тому подобныя повидимому, нелѣпыя повѣсти; какъ на нихъ совершается *ея* умственное и нравственное воспитаніе; какъ понятія ихъ входятъ живымъ элементомъ въ народную жизнь и дѣйствуютъ въ ней практически; кто, наконецъ — захочетъ признать историческое значеніе этихъ разсказовъ, тотъ не станетъ относиться къ нимъ съ легкомысленнымъ упрекомъ въ незначительности содержанія, относительно историческаго значенія этихъ 2-хъ памятниковъ — мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее: «Повѣсть о бѣломъ клубкѣ» хотя и ни чѣмъ особенно не обнаруживаетъ своего раскольничьяго происхожденія, но по тому почету, какимъ пользуется у раскольниковъ, можетъ быть признано сочиненіемъ раскольничьимъ; мало того — она внесена въ извѣстный раскольничій сборникъ, на ряду съ «Исторією *объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ*» и знаменитою «Соловецкою челобитною». Въ

чемъ же заключается причина такого почета? По нашему убѣжденію, причина этого есть вмѣстѣ съ тѣмъ и причина появленія самой повѣсти: «не нужно имѣть большой проницательности—говоритъ г. Костомаровъ (Памятники стар. рус. литер., с. 301), чтобы рѣшить, что «Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ» никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ цѣлью найти историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита. Это стремленіе древней новгородской Церкви, связанное нѣкогда съ поддержкой политической и гражданской самостоятельности Великаго Новгорода, болѣе всего проявившееся тогда, когда митрополиты, утвердившіе свой духовный престолъ въ Москвѣ, видимо осѣняли благословеніемъ Церкви единодержавныя стремленія московскихъ государей, пережило новгородскую свободу....» Еще рѣзче высказалъ ту же мысль нашъ почтенный изслѣдователь русской старины, Ѳ. И. Буслаевъ: по его мнѣнію «Повѣсть о бѣломъ клобукѣ» имѣетъ своимъ предметомъ возвеличеніе

духовнаго превосходства Новагорода надъ Москвою: главная идея этой повѣсти состоитъ въ томъ, что римская православная святыня, по-
 пранная латинами— передается Новгороду подъ
 символомъ Бѣлаго Клобука (Истор. очерки на-
 род. литер. и искусства, т. 2, стр. 274). Если
 вспомнить при этомъ — какое негодованіе воз-
 будила она впоследствии въ московскомъ ду-
 ховенствѣ, какъ на соборѣ 1667 года обзывали
 ее *лживою и неправою*, писанною Дмитріемъ
 Толмачемъ *отъ вѣтра главы своея*—то станетъ
 понятно, почему нашла эта повѣсть такое рас-
 пространеніе у раскольниковъ, какъ энергиче-
 скій протестъ противъ Москвы; но она должна
 была встрѣтить сочувствіе со стороны людей, у
 которыхъ антагонизмъ Москвѣ и московскимъ
 стремленіямъ получилъ силу религіознаго мнѣ-
 нія!

Относительно лицъ упоминаемыхъ въ этой
 повѣсти, мы считаемъ не лишнимъ сообщить
 здѣсь разысканія г. Костомарова: «Геннадій нов-
 городскій архіепископъ есть тотъ самый, кото-
 рый прославился въ русской исторіи энергиче-

кимъ преслѣдованіемъ новгородскихъ еретиковъ схаріевой жидовствующей ереси, или лучше сказать броженія умовъ, которое породило тогда множество толковъ, въ понятіяхъ большинства составлявшихъ будто бы что-то единое подъ именемъ жидовствующей ереси. Геннадій былъ одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени: имя его тѣсно соединено съ переводомъ св. писанія, важнѣйшимъ памятникомъ умственного труда въ XV вѣкѣ. Когда приближалась осьмая тысяча восточнаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, распространился суевѣрный страхъ о кончинѣ міра, долженствовавшей наступить съ окончаніемъ седьмой тысячи, сообразно предсказаніямъ, записаннымъ въ нашихъ старыхъ сборникахъ, составлявшихъ тогда предметъ чтенія для грамотѣевъ. Послѣ наступленія съ нетерпѣніемъ ожидаемаго всѣми роковаго года, обманутое ожиданіе у многихъ перешло въ невѣріе, и это способствовало еретическому настроенію умовъ. Тогда-то Геннадій посылалъ въ Римъ какого-то Димитрія для составленія разчета пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ, а вмѣстѣ съ

тѣмъ поручилъ ему привезти нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія возникавшихъ и волновавшихъ наклонную къ религіознымъ преніямъ мысль о сугубомъ и трегубомъ аллилуйа, а равнымъ образомъ и относительно правильности переводовъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ духовной нашей письменности. Привозъ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ приписывается этому Димитрію. Димитрій тотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ быть Димитрій Толмачъ, извѣстный посольствомъ въ Римъ при в. князѣ Василю Ивановичѣ и сообщавшій Павлу Ювію свѣдѣнія о Россіи. Онъ могъ ѣздить и прежде; преосв. Филаретъ въ своей «Исторіи Церкви» принимаетъ автора посланія о Бѣломъ Клобукѣ за этого Димитрія. Но онъ могъ быть также и Димитрій Мануиловичъ Траханиотъ, грекъ, прибывшій съ Софіею, уѣзжавшій въ Римъ и снова возвращавшійся въ Россію и, наконецъ, здѣсь основавшій свое постоянное жительство. Наконецъ онъ могъ быть и Димитрій Ивановичъ Ларевъ или Ралевъ, который прибылъ въ Москву изъ Константинополя въ 1485 году и потомъ нѣсколько разъ ѣздилъ, по порученію мо-

сковскаго великаго князя, за границу, для пріисканія полезныхъ иностранцевъ (1488, 1490 1493 — 1494, 1499 — 1504). «Пам. стар. рус. литер.» с. 30.

Само собою разумѣется, что при взглядѣ на «Повѣсть о Бѣломъ Клобукѣ», какъ на самодѣльное новгородское сочиненіе — сказаніе о привозѣ этой повѣсти изъ Рима должно быть отнесено къ области вымысла; но все же за именемъ Дмитрія Толмача остается честь составленія этой повѣсти. Владыка Василій былъ архіепископомъ новгородскимъ съ 1330 по 1352, и 3-я Новгородская Лѣтопись приписывала его времени принесеніе бѣлаго клобука въ Новгородъ, но по справедливому замѣчанію г. Костомарова, это — очевидно позднѣйшая вставка, ибо въ 1-й Новгородской Лѣтописи о Бѣломъ Клобукѣ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія.

О принадлежности повѣсти о табакѣ — литературѣ раскольниковъ — не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ раскольники сами свидѣтельствуютъ объ этомъ своимъ отвращеніемъ отъ табака, отвращеніемъ и до-сихъ-поръ не

исчезнувшимъ изъ жизни народной. Мы не позволимъ себѣ искать въ этой повѣсти той языческой основы, которую предполагаетъ г. Костомаровъ, ибо очевидно она составлена подъ вліяніемъ книжника, уже далекаго отъ народнаго быта и народныхъ понятій и можетъ-быть представляетъ собою не болѣе, какъ передѣлку какой-нибудь подобной греческой повѣсти; но не можемъ не упомянуть, что это сказаніе должно было играть важную роль въ тогдашнихъ обстоятельствахъ жизни. Когда и правительство и Церковь вооружались противъ употребленія табака, такъ что запрещеніе его нашло даже мѣсто въ христіанской богословіи того времени, какъ это видно изъ сочиненія Иннокентія Гизіеля: «Миръ челоуѣку съ Богомъ» (1669).

Издатель.

